

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОГО СЦЕНАРИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПАРЕМИЙ

LINGVOKULTUROLOGISCHESKOM ANALYSIS OF THE CULTURAL SCRIPT IN THE MIRROR OF PROVERBS

Van Vanessa

Annotation

The Study is devoted to identification and description of family values of Russian national culture on the material of Russian Proverbs XVIII–XIX centuries, the Author outlines the direct and indirect language signals verbalization of perceptions of values and attitudes. Themselves valuable ideas and attitudes in mediated form are recorded in the contents of language units and can be identified through the application of methods of linguistic analysis. As N. N. Boldyrev emphasizes that value preferences that determine the nature of the world, directly connected with the system of ideas of native speakers about reality, expressed by means of language [op. Cit. by: Vepreva, Itskovich, Bush, Shalina, 2016, 63]. System of ideas about reality, expressed by means of language, from the point of view of cognitive linguistics connected with the cognitive structure – a means of encoding, storage, transformation and transmission of knowledge and assessment.

Introduces the concepts of integrity and disintegrity verbally expressed conceptual units of the axiosphere of culture. Axiological infection can be characterized by a paremiological units, formally deprived of language and speech means.

Keywords: lingvokulturologischeskom analysis, paremiological unit, sayings, paremiology, integrity, desintegrate, existera.

Ван Вэньцзя

Аспирант, Уральский
федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

Аннотация

Исследование посвящено выявлению и описанию семейных ценностей национальной русской лингвокультуры на материале русских паремий XVIII–XIX вв. Автором выделены прямые и косвенные языковые сигналы вербализации ценностных представлений и установок. Сами ценностные представления и установки в опосредованном виде фиксируются в содержании языковых единиц и могут быть выявлены в результате применения методов лингвистического анализа. Как Н. Н. Болдырев подчеркивает, что ценностные предпочтения, определяющие характер мировоззрения, непосредственно связаны с системой представлений носителей языка о действительности выраженных средствами языка [Цит. по: Вепрева, Ицкович, Купина, Шалина, 2016, 63]. Система представлений о действительности, выраженных средствами языка, с точки зрения когнитивной лингвистики связана с когнитивной структурой – средством кодирования, хранения, трансформации и передачи знаний и оценок.

Вводятся понятия интегремы и дезинтегремы как вербально выраженных концептуальных единиц аксиосферы лингвокультуры. Аксиологической зараженностью могут характеризоваться паремиологические единицы, формально лишённые языковых и речевых средств.

Ключевые слова:

Лингвоаксиологического анализ, паремиологические единицы, поговорки, паремиологи, интегремы, дезинтегремы, аксиосферы.

Введение

Цель нашего исследования представляет собой описание ценностей супружеских отношений путем лингвоаксиологического анализа культурного сценария "супружеская ссора". Выявление ценностных смыслов может осуществляться на разнообразном речевом материале. В нашем распоряжении имеются русские паремия XVIII–XIX вв.

Паремия, характеризующиеся реализацией прав на аксиологическую свободу выражения мыслей и чувств, представляют собой "произведения народного творчества, запечатлевшего мудрость народа, его ценностную картину мира" [Телия, 1996, с. 73]. Либо "их денотации – не денотация к миру, а повод для отнесения к системе

ценностей" [Телия, 1996, с. 74]. Паремия служат и источниками культурно значимой интерпретации. "Они и есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором в синтаксической форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа – носителя языка". [Телия, 1996, с. 241].

Паремиологические единицы воплощают в своем обиходном содержании культурно значимые ценности мировидения, выполняют роль культурных знаков при их интерпретации. Буквальное их прочтение соотносит образ со стереотипным, эталонным или символично значимым для данной лингвокультурной общности мировидением. Активизация национального паремийного фонда во многом связана с тем, что он отражает кризисные явления в обществе.

В данном исследовании лишь рассматривается культурный сценарий "супружеская ссора" деревенской семейной жизни, соответственно которому подбираются пословицы и поговорки со значениями, связанными с супружескими ссорами. Пословицы и поговорки по сути являются предложениями, выражающими обобщенные житейские правила и ценностные суждения. По мнению В.М. Мокиенка паремииологи "постоянно сталкиваются с практической трудностью четкого, классического разграничения некоторых паремий на эти две группы (пословицы и поговорки)" [Мокиенко, 2015, с. 9]. Формально поговорки отличаются от пословицы тем, что содержат простое предложение. Пословицы и поговорки, по существу, выступают как кодекс морально-нравственных правил, оценок бытия, могут выполнять роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения. В процессе общения они не образуются говорящим, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением.

Паремииологические единицы аксиологически нагружены. Их прямое или косвенное аксиологическое значение, адресованное обозначаемому в целом или каким-либо его свойствам, основано на знании неписаных, но узуальных норм ценностной картины мира которая основана на обиходно-бытовом образе мира, сложившемся в данном языковом коллективе и на его жизненной философии.

Методика описания

Лингвистическая аксиологическая интерпретация паремий предполагает извлечение из народной фольклоры прямых или косвенных ценностных суждений которые позволяют выявить обобщенные, устойчивые представления о том, что является должным, правильным, социально желанным для деревенских жителей, реконструировать презумпции и установки, которыми руководствуется человек или социальная группа, предпочитая тот, а не иной тип поведения. Ведь люди живут и делают выбор, сознательно или бессознательно занимают "ценностную позицию в каждом моменте жизни, ценностно устанавливаясь" [Бахтин, 1979, с. 163].

Вводятся понятия ценностные предпочтения и ценностные установки. Ценностные предпочтения, определяющие характер мировоззрения, непосредственно связаны с системой представлений носителей языка о действительности, и позволяют человеку ранжировать объекты по значимости для него. На основе ценностных предпочтений у человека образуются ценностные ориентации и установки, которые, "будучи 'атомарными' составляющими наиболее глубинного слоя интенциональной структуры личности, выполняют функцию социокультурных регуляторов жизнедеятельности"

[Вепрева, 2016, с. 62].

Ценностное отношение не только выражается в гармоничном общении, но и объектируется в конфликтном. Ссора, по сути, представляет собой вид речевого конфликта. Она подразумевает столкновение сторон, в этом случае – мужа и жены, состояние противоборства партнеров в процессе общения по поводу нарушения стереотипного ролевого ожидания и кодекса речевого поведения.

Роль – "Функция, нормативно одобренный обществу образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию" [Крысин, 1989, с. 25]. Существуют ролевые стереотипы, в которые складываются представления о типичном исполнении той или иной социальной роли. Ролевые стереотипы составляют неотъемлемую часть ролевого поведения. "Стереотипы формируются на основе опыта, частой повторяемости ролевых признаков, характеризующих поведение, манеру говорить, двигаться, одеваться и т.п." [Беликов и др., 2016, с. 141]. Предполагается, что в семье существуют типичное исполнение ролей мужа и жены, которым руководятся муж и жена, как вести себя, как общаться между собой и т.д. Такое типичное исполнение на основе частой повторяемости ролевых признаков формирует главное содержание гендерных стереотипных ролевых ожиданий. Например стереотипные роли мужчины в семье – производитель и продолжатель рода, добытчик, кормилец и т.д., стереотипные роли женщины в семье – родительница, продолжательница рода, хранительница семейного очага, воспитательница и т.д.

В коммуникационном акте задается кодекс речевого поведения – "правила, регулирующие собственно речевую деятельность или речевое поведение" [Шмелева, 1983, с. 73], соблюдение которого обеспечивает гармоничность диалога. Т.В. Шмелева выделяет 13 правил элементарной части кодекса речевого поведения, принципиальным для нашего исследования из которых является правило "не сообщай неприятного для собеседника" [Шмелева, 1983, с.76]. Среди этих правил наибольшую силу имеет принцип "в интересах слушателя", ради которого отбирается ряд языковых средств. Для иллюстрации приведем примеры смены речевой манеры. Говорящий "обязан сигнализировать об этом собеседнику, воспользовавшись для этого, например, деэпричастной конструкцией говоря схематично/грубо/кратко/суммарно/образно /фигурально/в общем и т.д." [Шмелева, 1983, с. 75]. В основе возникновения супружеской ссоры лежит, в первую очередь, нарушение эталонированных гендерных ролей, однако, в докоммуникативной фазе конфликтного коммуникативного акта начиная ощущать рост напряженности, субъ-

екты не предпринимают уступительные речевые действия в интересах слушателя, что и посредственно приводит к ссоре.

Ссора протекает во времени, имеет свои стадии развития, реализуется специфическими разноуровневыми языковыми и прагматическими средствами [Третьякова, 2003, с. 144]. В сознании носителя языка такой речевой конфликт представляется некой типовой когнитивной структурой – культурным сценарием. Культурный сценарий воспринимается не только как эксплицитный способ представления "супружеской ссоры", но и как способ формирования и функционирования мнений и установок мужа и жены. А. Д. Шмелев в предисловии к работе А. Вежбицкой: "Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики" отмечает, что термин "Культурный сценарий" (culture script) следует использовать для описания характерных для некоторой данной культуры правил поведения, представлений о том, что хорошо и что плохо, "культурных предписаний", "ценностных установок культуры" [Шмелев, 2001, с. 12]. Для нашего исследования принципиально представление о культурно значимых предпочтениях, которые определяют принадлежность к данной культуре (культурной страте). Они могут быть выявлены и описаны посредством такой когнитивной структуры, как культурный сценарий.

Культурный сценарий отражает развитие в рамках стереотипной ситуации основных сюжетов взаимодействия. Он, следовательно, дает возможность проследить стадии развития ссоры: ее зарождение, созревание, пик, спад и разрешение. Он закрепляет стандартный набор способов действий, а также их последовательность в развитии коммуникативного события. В этом случае культурный сценарий также дает возможность выявить структуру коммуникативных ожиданий участников речевого события, избежать неожиданностей, непредсказуемости в общении, исключить возможность конфликтного развития взаимодействия.

Опыт исследования

К составляющим культурного сценария относятся: хронотоп, субъекты речевого поведения, событийно-фактологическая канва деятельности субъектов в конкретной сфере (семейной, трудовой, досуговой и др.) жизнедеятельности.

В данном исследовании лишь рассматривается культурный сценарий "супружеская ссора" деревенской семейной жизни, соответственно которому подбираются пословицы и поговорки со значениями, связанными с супружескими ссорами. Реальным пространством, в границах которого разворачивается культурный сценарий "супружеская ссора", в основном, является "свой дом". Дом

характеризуется двуплановостью – это материальное строение для жилья человека, к тому же, это место, точка психологического покоя в движущемся времени и пространстве. Главными участниками являются муж и жена. Тип ссоры – семейный.

Причины речевого конфликта – ссоры разнообразны. По общепринятому мнению причиной может быть "различие установок и ценностей, полученных людьми в прошлом в качестве традиций и образцов поведения" [Михайлова, 2015, с. 54]. Что касается супружеской ссоры, то первичной причиной ее служит нарушение стереотипного ролевого ожидания. Рассматриваются культурно значимые гендерные стереотипы деревенской семьи.

В деревенской семье существуют относительно устойчивая иерархия и распределение ролей мужа и жены. Формальным главенством семьи всегда наделяются мужчина, муж, отец и родитель. Мужчина – это хозяин, глава дома и семьи. В. Белов в "Ладе" пишет, что "мужчина ведал главными сельхоз работами, пахотой, севом, а также строительством, заготовкой леса и дров. Всю физическую тяжесть к крестьянскому труду он вместе со взрослыми сыновьями нес на своих плечах". А "руководство домашним хозяйством держала в руках большухи – женщины, жена и мать. Она ведала ключами от всего дома, вела учет сену, соломе, муке и заспе. Все скот и вся домашняя живность, кроме лошадей, находились под пристальным надзором большухи. Под ее неусыпным надзором находилось все, что было связано с питанием семьи: соблюдение постов, выпечка хлеба и пирогов, стол праздничный и стол будничный, забота о белье и ремонте одежды, ткань, баня и т.д." [Белов, 1991, с. 311].

Стереотипные роли мужа – хозяин, глава семьи, наставник, защитник, добытчик, отвечающий за тяжелую работу.

Муж – глава семьи; Мужик в семье, что матица в избе; Муж как ворона, а все жене оборона; Не та счастливая, что у отца, а та, что у мужа; Без мужа жена – всегда сирота (кругом сирота); В августе мужику три заботы: и косить, и пахать, и сеять; Мужик работает плачучи, а сбивает хлеб скачучи; Мужик добрый не проказник, работает и в праздник.

Роли жены – хозяйка, ведающая домостроительством.

Без жен дом – содом; Доброй жене домоседство не мука, а мучит жену лишь разлука; Возвышает жену не наряд, а домостроительство и др.

Выделяется первая причина – нарушение иерархии в семье, т.е. жена, вместо подчиненной мужу роли, играет роль главы в семье. *Не муж в мужьях, кем жена владеет; Горе тому дому, коим владеет жена; Жена верховодит, так муж по соседям ходит.*

В оппозитивной паремиологической единице противопоставление усилено дескриптивным элементом "подчиненный жене муж ≠ мужик". Суждение не муж в мужьях, в качестве квалификации мужчины, окрашено частности оценочным значением аномального мужчины. Неопозитивные единицы образуются с помощью определяющих элементов "горе (в доме) = владеющая жена (в доме)", "жена верховодит = муж ходит". На основе анализа структуры можно подытожить ценностные установки: "Настоящий мужчина не руководится женой", "Будет несчастно, если жена находится в главе иерархии" и "Мужу приходится выйти из дома, если в семье жена управляет всеми делами". Не трудно резюмировать, что главой семьи традиционно считается мужчина. Если жена "узурпировала" главенство, то в доме лада не будет.

В вышеприведенных цитатах имплицитно симметрия работ мужа и жены, например, муж отвечает за тяжелую работу, жена – относительно легкую; муж работает в поле, жена – в доме и т.д. См. паремиологические единицы: *Муж – полтину, а жена холстину, все в одно место кладут: так и хорошо живут; Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка всегда в избе; Жена пряжи рубашки, а муж тяни гуж.*

Предполагается, что "асимметрически" работают муж и жена – другая причина супружеской ссоры. Иначе говоря, супруги не умеют выполнять свой семейный долг.

Муж в поле пахать, а жена руками махать; Муж возгами, а жена подолами; Муж пашет, а жена пляшет; Муж за бороною, а жена за меледой; Добрый муж наживет, а худая жена рукавом растрясет; Жена мелет, а муж спит; Жена прядет, а муж пляшет.

Синтаксическая структура этой группы паремиологических единиц уподоблена структуре сложного предложения со союзом а. Проблема интерпретации оценки в самом теле тесно связана с синтаксическими свойствами высказывания. "Противительная конъюнкция (а-отношение) присоединяет предикаты с противоположным аксиологическим знаком" [Арутюнова, 1988, с. 97]. Первая часть этих единиц выражает имплицитно частно оценочное нормативное значение, которое противопоставляется второй части на основе следующих оппозиций: "пахать ≠ махать", "возгами ≠ подолами", "пашем ≠ пляшет", "за бороною ≠ за меледой", "наживет ≠ растрясет (рукавом)", "мелет ≠ спит", "прядет ≠ пляшет".

Эти оппозиции влекут за собой модальность должностояния, которая устанавливает образцы мужа и жены, к которым следует стремиться. Надо отметить, что "долженствование исключает отрицательную оценку" [Арутюнова, 1988, с. 63]. Эксплицирующие признаки хорошего мужа должны быть такими, например, нажить, па-

хать, за возгами, за бороною; эксплицирующие признаки хорошей жены должны быть, например, молоть, прясть и др.

Третьей причиной супружеской ссоры выступает нарушение семейной этики – супруги изменяют друг другу. Если выше две причины предлагают возможность совершенствования супругов, то эта причина сугубо повреждает семью.

По старом муже молода жена не тужит; Жена молода – лишняя сухота; Видимая беда, что у старого жена молода; У старого жена молода, беда не мала.

В первой единице дескриптивные элементы "старый муж" и "тужащая жена" находятся в отношении дополнительного распределения [Алан Дандис, 1978, с.26–27]. То есть они друг друга исключают и образуют оппозитивное значение. Из-за своей молодости жена еще энергична, красива и любопытна. Чужой мир манит ее, обеспечивает ее всякими возможностями. Этические нормы, как верность и долг, для нее менее важны, чем удовольствие из внешнего мира. Дескриптивные элементы "молодая жена = сухота", "молодая жена = беда" формируют определяющие пословицы. Можно перефразировать эти единицы в ценностную установку: "молодая жена склонна к нарушению семейной этики". Следует отметить, что беда, на самом деле, заключается в том, что семейная этика нарушается. Поэтому настоящие определяющие дескриптивные элементы должны быть "измена = беда".

Больше паремиологических единиц, описывающих неверность жены, фигурирует как предостережение мужу, что в некоторой степени свидетельствует о том, что женщины за нарушение верности наказываются, а мужчины же большею частью совершенно безнаказанно нарушают верность жене. Мужу дают полный простор вымещать на жене свое негодование, если только это вымещение не повлечет за собою убийство жены, и выгнать жену из своего дома.

Русские пословицы со значением измены мужа скорее ориентированы на мужа себя, чтобы его убедить не изменять. Следовательно, они характеризуются явным отрицательным значением. В данном случае явнее проявляется принцип патриархального строя семьи: неверность мужа не разрушает брачного союза. Он лишь подвергается критике. *В чужую жену черт ложку меду кладет (положил); Вольно дурить – чужих жен любить.* Характеризатор "черт" в религиозных представлениях и народных поверьях обозначает "нечистый дух, олицетворяющий зло" [Толковый словарь русского языка, 2011, с. 1092]. Муж влюбится в чужую жену под влиянием злой магии черта, что указывает на абсурдность измены. Глагол "дурить" в Толковом словаре русского языка" значит "дурачиться, совершать нелепости" [Толковый словарь русс-

кого языка, 2011, с. 220]. Данный прямой языковой сигнал раскрывает сущность измены – нелепость.

Русские пословицы дают четкую ценностную установку: "измена – семейная беда". Супружеская неверность нарушают "конвенциональные ожидания, связанные с поддержанием нравственного климата в доме, приводит к сбою и разладу семейно-хозяйственного механизма" [Шалина, 2009, с. 184]. Традиционная мудрость гласит, что супруги должны быть верными друг к другу, и любить друг друга. *Когда жену будешь иметь, не станешь на чужих смотреть; На чужих жен не заглядывайся, а за своею пригляди! Чужой муж мил, да не век с ним жить; а свой постыл, волочиться с ним.*

Все перечисленные факторы лишь демонстрируют несколько аспектов нарушения супружеского ролевого ожидания. Муж и жена ожидают друг от друга соблюдения семейной иерархии, выполнения семейного долга и защиты семейной этики. Эти правила входят в состав супружеского ролевого ожидания. Нарушение правил происходит в докоммуникативной фазе конфликтного коммуникативного акта – назревание конфликта: участники осознают имеющиеся между ними противоречия, они начинают ощущать конфликтность ситуации и готовы принять взаимно агрессивные речевые действия [Козырев, 2000, с.12].

По мере роста напряженности участники входят в конфликтную коммуникативную фазу – созревание, пик и спад конфликта: муж и жена начинают действовать в своих интересах в ущерб другой стороне путем применения конфликтных речевых средств. По развитию углубления противоречия возможно достичь кульминации супружеской ссоры – драка. Подавляющее количество русских паремиологических единиц этой тематики описывает насилие мужа. Среди них имеет место группа пословиц, описывающих семейное насилие:

Жена без грозы – хуже козы; Жену не бить – и милу не бить; Шубу бей – теплее, жену бей – милее; Кто вина не пьет, пьян не живет, кто жены не бьет – мил не живет; Жена шаловлива, так муж бей; Бей жёнку к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь); Бабу бей, что молотом, сделаешь золотом; Кто жены не бьёт, мил не живёт; Чем больше жену бьёшь, тем щи вкуснее; Бей жену обухом, припади да послухай: дышит да морочит, ещё хочет.

Эти единицы, с точки зрения внешней структуры, характеризуются синтетичностью, фразовостью и замкнутостью, с точки зрения внутренней структуры – монологичностью и наличием образной мотивировки [Пермяков, 1975, с.267]. Часто оценочный прямой языковой сигнал милый намекает на такие качества жены, как домотивность, понятливость, покорность и др. Эти качества

формируются лишь при угрозе мужа. Кулак мужа даже превращает жену в золото. Тематическая стержень данной группы паремиологических единиц предполагается одной парой – "бить жену – жена мила". Эта реалья, на которой построены эти единицы, важна в них не сама по себе, а как показатель тех или иных ценностных установок – "будет полезно для семьи, если муж бьет жену". Даже женщина сама признает эти побои за выражение любви к ней со стороны мужа по пословице: *Кого люблю – того и бью.*

Выделяется важная укоренившаяся в обыденном сознании ценность между супругами – коммуникативное доминирование мужа над женой в семье: *У мужа (перед мужем) жена всегда виновата.* В основе женского поведения лежит стереотипная установка на подчиненность мужу, признание своей материальной и статусной зависимости от мужа.

Однако, насилие мужа можно считать дезинтегремой – единицей аксиосферы, обладающей разной степенью значимости для субъектов и потому не способствующая их солидаризации. Как говорится в пословицах: *Жена не мать, не бить ее мать! Жена не горшок, не расшибешь (а расшибешь – берестой не перевьешь).*

В процессе ссор проецируется супружеская близость: *Промеж мужа и жены нитки не продернешь.* Они "помутились" как вода с песком, лишь бог разбирает их ссоры. *Жену с мужем некому судить, кроме бога; Муж с женой бранится, чужой не вяжись; Муж с женой ругайся, а третий не мешайся.* Характеризаторы чужой и третий свидетельствуют о оппозиции "свой-чужой". Муж и жена, хотя бранясь, воспринимают друг друга своими: Муж с женой бранятся, а под одну шубу ложатся. Поэтому, не трудно сообразить, что ссора между мужем и женой оканчиваются миром. Коммуникативный лад, в качестве интегремы – единицы аксиосферы, которая служит солидаризации коммуникантов, в семье осознается как важнейшая культурная ценность. Именно из мира и лада рождается семейное счастье, которое являются одним из ключевых для русской языковой картины мира концептов [Зализняк и др., 2005, с. 9].

Где любовь да совет, там и рай, там и свет; а ссоры да споры, там только лишь вздоры; Ссора до добра не доводит; В ссорах до во вздорах пути не бывает; Не будет добра, коли меж своими вражда.

"Мир и лад в семье как микрокосме являются основой нравственно-бытового комплекса. Семейная иерархия строится не на страхе и грубой физической силе, а на этических ценностях и нормах – уважение, заботе, соблюдении коммуникативных прав и обязанностей, преемственности семейных традиций" [Шалина, 2009, с. 181]. Не случайно то, что в качестве средства вербали-

зации концепта семья в русском языке наиболее частотны метафоры со словами "клад", "лад":

На что и клад, коли в семье лад; Семья крепка ладом; В ладу жить – время коротать; Где мир да лад, там и божья благодать; Клад добудешь, да домой не будешь; Коли у мужа с женой лад, так не надобен и клад; Коли у мужа с женой совет, так и в пост мясоед.

"Хотя неконфликтному общению отдается предпочтение, брань, словесные баталии сопровождают человеческий коллектив постоянно; более того, это почти естественное состояние жизни любого сообщества, включая семью" [Дементьев, 2013, с. 200]. Ссора, на самом деле, находится в диалектическом отношении мира / лада. Без ссор и не будет мира: *Люби ссору, люби и мир; Всякая ссора красна мировую; Ссоры по сути представляются формой любви: Любовь без ссоры не бывает; Любовь без ссоры что суп без соли.* Следовательно, в реальной брачной жизни ссоры неизбежны, уже стали ее неотъемлемой частью: *Брак без драк редким любовен; Сколько, а без ссоры не прожить; Как ни колотись, а без брани не житье.* Предикаты *ни колотись, ни мучиться* достаточно четко указывают на степень горя, до которой доводят ссоры. В то же время предикаты *не прожить, не житье* свидетельствуют о необходимости их существования в реальной жизни. Ведь Брань в боку не болит; *Брань не киснет, ветер носит; Брань не дым – глаза не ест; Брань очей не выест.* Надо научиться сосуществовать с ссорами и наладить отношение с родственниками. В этом смысле ссора в русских паремиях представляется дезинтегремой. Более того, отсутствие ссор, брани может рассматриваться как признак равнодушия близких людей или как проявление двуличности, скрытности: *Без шуму и брага закиснет; Не лягается надолба, да и не везет; И смирен пень, да что в нем?; В болоте тихо, да жить там лихо; Смирен, не речист, да на руку нечист.*

Выводы

Из реконструированного культурного сценария "супружеская ссора" можно подытожить важные ценности деревенской супружеской семьи. 1. Муж имеет абсолютный статус главенства в семье, жене нельзя его вытеснять. 2. Супруги должны выполнить свой семейный долг и "симметрично" работают. Сюда входит стереотипное ролевое распределение мужа и жены, например, муж наживет, пашет; жена мелет, прядет. Отсюда можно предполагать стереотипные личные качества мужа и жены: мужу в традиционной русской культуре приписываются такие качества, как физическая сила, сила духа, сила воли, стойкость, решительность, активность, твердость и др., а жене – мягкость, нежность, эмоциональность, уступчивость и др. Супруги должны соблюдать семейную этику и быть верными друг другу. Коммуникативные ценности. К ним относится, в первую очередь, коммуникативный лад. Для достижения лада коммуникативного супруги руководятся кодексом речевого поведения, основным принципом которого выступает принцип "в интересах слушателя". В соответствие с семейной иерархией, муж овладевает коммуникативным доминированием над женой. Как говорится в "Домострое": "Следует мужьям воспитывать жен своих с любовью примерным наставлением: жены мужей своих вопрошают о всяком порядке, о том, как душу спасти. Богу и мужу угодить и дом свой по добру устроить, и во всем покоряться мужу; а что муж накажет, с любовью и страхом внимать и исполнять по его наставлению" [Домострой, 2015, с. 118].

Анализ показывает, что паремии хранят и воссоздают ценностные, онтологические, культурные установки народа. Через лингвоаксиологическую интерпретацию значения паремий и при соотнесении их с характером прототипической ситуации обнаруживаются национально-культурные особенности анализируемых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алан Дандис О структуре пословицы (пер. с англ. Г. Пермяков) / Дандис Алан // Паремииологический сборник. Пословицы. Загадка (Структура, смысл, текст). сос. Г.Л. Пермяков. – Москва: Наука, 1978. – С. 13–34.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка событие факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1988. – 341 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва, 1979. – 424 с.
4. Беликов И. В. Социолитингвистика : учебник для бакалавриата и магистратуры / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2016. – 337 с.
5. Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики / Предисл. С. Н. Семанов; отв. ред. О. А. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2013. – 512 с.
6. Борисова И.Н. Структура и динамика дискурса в потенциально конфликтной ситуации / И. Н. Борисова // Речевая конфликтология: Учебное пособие; отв. ред. М.Я. Дымарский. – Санкт-петербург : РГУПУ им. А.И. Герцена, 2008. – С.33–69.
7. Вежибицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
8. Вепрева И.Т. Ценностные предпочтения современной студенческой молодежи в лингвокогнитивном и социопсихологическом освещении / И.Т. Вепрева, М.М. Ицкович, Н.А. Купина, И.В. Шалина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – No 2. – С. 62–73.
9. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: личности в лексике и прагматике / В. В. Дементьев. – Москва, 2013. – 338 с.
10. Домострой / пер. с древнерусского В. В. Колесова. – Москва : АСТ, 2015. – 288 с.

11. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. Ст. / А. А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
12. Козырев Г.И. Введение в конфликтологию: Учеб. пособие для студ. высш. Учеб. заведений / Г.И. Козырев. – Москва: ВЛАДОС, 2001. – 176с.
13. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин.– Москва, 1989. – 240 с.
14. Михайлова О.А. Лингвокультурологические аспекты толерантности: [учеб.–метод. пособие] / О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд–во Урал. Ун–та, 2015. – 124 с.
15. Мокиенко В.М. Аспекты исследования славянской паремиологии / В.М. Мокиенко // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дикурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира. под. ред. О.В. Ломакиной. – Москва : ЛЕНАНД., 2015. – С. 4–25.
16. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – Москва : Школа "Языки русской культуры", 1996. – 288 с.
17. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2011. – 1175 с.
18. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи / В.С. Третьякова // Известия УрГУ. – 2003, No. 27. – С. 143–152.
19. Шалина И.В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии / И. В. Шалина; [науч. ред. Н. А. Купина]. – Екатеринбург: Изд–во Урал. Ун–та, 2009. – 444с.
20. Шмелев А.Д. В поисках мира и лада / А. Д. Шмелев // А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. – Москва, 2005. – С. 110–129.
21. Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения / Т.В. Шмелева // Русский язык за рубежом. – М. – 1983. – No.1 – С.72–79.

© Ван Вэньцзя, (xzh1310@hotmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

